Народное просвещение.

Рост школьного строительства.

(Сталинский округ).

Хороший урожай текущего года и развертывающаяся работа промышленности в Сталинском округе значительно улучшили материальное положение крестьянства и рабочего класса, и в связи с этим усилились их культурные запросы, особенно в области школьного строительства.

Например, в 1924—25 учебном году в округе работали 235 школ, которые охватывали лишь 41 проц. детей села. Конечно, такой процент обучения детей является слишком недостаточным, крестьянство требует: «Давай школу!», к тому же необходимо проводить в жизнь план всеобщего обучения, и перед соответствующими организациями Сталинского округа стал вопрос о необходимости увеличения количества школ, главным образом, сельских. Здесь препятствием является недостаток средств в местном бюджете. Все же школьную сеть на 1925—26 учебный год удалось значительно увеличить и открыть 377 школ новых, из коих 278 на селе, а они охватят 93,6 проц. детского населения в промрайоне и 53 проц. детей на селе. Однако, расширения школ на селе еще недостаточно, и организации решили провести кампанию договорных школ, т.-е. чтобы сами общества несли расходы по этим школам; в целях облегчения обществам содержания таких школ, им разрешено допускать занятия в крестьянских избах, клубе и др., а также приглашать для учобы неквалифицированных учителей, так как даже в нормальных школах наблюдается большой недостаток учителей.

Такие мероприятия дадут возможность охватить почти всех детей 7—10-летнего возраста. Помимо этого, в округе имеется несколько тысяч переростков 12—13 лет, которые в период голода, гражданской войны и разрухи не могли посещать школ для ликвидации среди них неграмотности, и для них организуются около 50 специальных школ.

Несмотря на то, что в округ ежегодно прибывают новые учителя, все же недостаток в последних ощущается большой, и окружный отдел народного образования пригласил в округ еще свыше 100 новых учителей, а чтобы не было перебоев в занятиях из-за пособий, ассигновал из средств местного бюджета 75 тыс. руб. на закупку учебников.

Профобразование рабочих подростков ведется в хороших условиях, ибо на каждом заводе и руднике имеются школы горнопромышл. ученичества и фабзавуча. Что же касается сельско-хозяйственного образования, то до сих пор это дело хромало. Теперь же этому вопросу уделяется серьезное внимание, в округе организовывается сеть сельскохозяйственных школ, что даст возможность получить соответствующее образование и крестьянской молодежи.

АЛ. ПУЧКОВ.

От редакции. Развитие школьного строительства в Сталинском округе, конечно, следует приветствовать, но едва ли Наркомпрос одобрит кампанию сталинцев по договорным школам и приглашение ими неквалифицированных педагогов.

Дедушка Федот.

У поэта Н. Сурикова есть всем известное стихотворение «Грамотей», ярко отражающее темноту крестьянства при самодержавии. В стихотворении этом рассказывается, что деревенский дедушка Федот получил письмо от внука, работающего на фабрике в городе, но беда в том, что сам дедушка Федот неграмотен и прочитать письма не может. И выходит «на крылечко дедушка Федот, сел и с нетерпением грамотея ждет».

Долго, долго бы дедушка Федот сидел и беспомощно вертел в своих мозолистых руках письма сыновей и внуков, не знал бы, как живут они, к чему стремятся, как борются и отстаивают права трудящихся. Но вот фабрично-заводский внук дедушки Федота совершил революцию и провозгласил диктатуру пролетариата,—могучая волна народного гнева стремительно снесла трехвековую плотину самодержавия, и рабочий и крестьянин получили возможность культурно развиваться и участвовать в государственном строительстве.

После Октябрьской революции, с изданием декрета о ликвидации неграмотности культурно-просветительная работа растет, ширится, и теперь почти в каждом захолустном уголке имеются ликвидпункты, агитпункты, избы-читальни, театры, разъезжают специальные поезда по линиям жел. дорог с культурно-просветительными целями, а газеты получаются и читаются уже в каждом уголке СССР.

На собраниях и митингах крестьяне и рабочие учатся, как вести общественное и государственное хозяйство; получают уроки, как исправлять те или иные ошибки в общественном и государственном деле, и теперь много, много дедушек Федотов руководят административной, хозяйственной и политической работой в государственных и кооперативных учреждениях, и много, много из них выдвинуто на крупные ответственные посты в госорганах и кооперации, и много из них на этих постах показали себя отличными во всех отношениях администраторами, хозяйственниками, политиками, дипломатами и строителями и руководителями государственной обороны советской страны от посягательств на удушение ее со стороны буржуазных и капиталистических держав.

Из года в год растущая экономическая и политическая мощь СССР показывают, насколько «дедушка Федот» в смычке с рабочими научился строить государственную жизнь своей страны и самоотверженно работать по укреплению ее на пути к социализму.

Вот, как в течение только семи лет культурно выросли рабочий и крестьянин; вот, каких результатов достигли они в короткий срок в деле государственного строительства.

Теперь про русского дедушку Федота можно громко крикнуть на весь мир: **Федот, да не тот.**

Кр-н ФИЛИМОН БАКАШОВ.

«ДЕНЬ КНИГИ» ОТСРОЧЕН.

Срок проведения «Всероссийского дня книги» с октября перенесен на другое время.

Библиотечный отдел ГПП во избежание разрозненного выступления предлагает «Дня книги» не проводить до получения инструкции и указания нового срока.

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ СОВЕТСКОГО КИНО.

Для содействия строительству советского кино и приближения его к рабоче-крестьянским массам организовано «общество друзей советского кино»—ОДСК.

Организационное бюро ОДСК находится при Главполитпросвете НКПрос РСФСР.

ЭКСТЕРНАТ ЗА КУРС ТЕХНИКУМОВ.

Комиссия по массовому профобразованию научно-технической секции ГУС считает, что все лица, претендующие на определенную квалификацию и связанные с нею права, должны иметь совершенно одинаковую подготовку, а, следовательно, и единообразно квалифицироваться. В условиях обстановки современной жизни из числа работников учреждений и предприятий, не получивших систематической школьной подготовки, могут быть выделены 2 группы: работники, обладающие всеми знаниями, необходимыми для специалистов средней квалификации, но не располагающие формальным подтверждением этого, зачастую крайне необходимым не только им самим, но и их предприятиям и учреждениям, и работники, обладающие достаточными для средней квалификации практическими знаниями и навыками, но неимеющие достаточной теоретической подготовки, каковую они в состоянии приобрести путем самостоятельной работы.

По мнению комиссии, этим двум группам и должна быть предоставлена возможность проверки при техникумах их знаний и навыков и последующего получения соответствующей формально удостоверенной квалификации.

ИСКУССТВО.

„Русское" и „советское" искусство в Париже

«Русское» искусство проникло за границу и в частности в Париж сравнительно давно; «советское» искусство—только с этого года. И однако мы присутствуем уже при начале некоторого сдвига во вкусах иностранцев в пользу второго из этих искусств.

Главным проводником русского искусства во Францию был в свое время дягилевский балет, благодаря которому русская музыка, танец и декорационная живопись завоевали симпатию иностранцев. Разумеется, одной из основных причин этой победы было мастерство нашей музыки и особенно наших балетных сил, которые до сих пор не имеют себе равных во всем мире. Но несомненно и то, что в основе этих русских симпатий было и то своеобразное томление по «экзотическому», которое так характерно для западно-европейского мира с его изживающей себя культурой. Это «экзотическое» французская публика находила в «варварской» сочности нашей музыки, в выразительности нашего танца, в живописной яркости наших декораций (Бакст, Рерих, Анисфельд, Бенуа и др.).

Этот вкус к экзотике, Востоку, в значительной мере привитый дягилевскими выступлениями, пустил корни во французской художественной промышленности. Влияние Бакста сказалось на парижской моде, на орнаментике тканей, на декорировке комнат. Бакст проложил дорогу для проникновения во французскую художественную жизнь русских веяний,—даже второго и третьего сорта. Когда в Париже появилась эмиграция, множество светских дам, начиная от княгинь и кончая просто дамами, нашли почву подготовленной: все они превратились в портних. Так расцвел в Париже целый ряд модных и декоративных мастерских, работающих на богатую буржуазию, главным образом на американцев, и немилосердно эксплоатирующих наиболее бедных женщин из эмиграции. Нечего и говорить о том, что в основе художественного стиля этих мастерских под прикрытием всяких мудреных «измов» находится зерно русского народного творчества, с его яркостью и оригинальностью, расторговываемое здесь оптом и в розницу.

Разумеется, этим эмигрантским декоративизмом далеко не исчерпывается русское художество за границей. Здесь есть и настоящие художественные силы. Не даром Андрей Левинсон, бывший петроградский, а теперь парижский критик, писал в «Последних Новостях», что если в доброе старое время Дягилеву можно было поставить в упрек выкачивание лучших сил из России, то теперь ему можно было бы пожелать, чтобы он дал пристанище тем, кто не может ужиться в «странной Совдепии». Фактически, впрочем, это неверно—в труппе Дягилева совсем немного таких «спасенных». Но вообще-то количество русских людей искусства за границей достаточно велико.

Разумеется, среди них есть люди искусства, уехавшие за границу на время с совершенно законным намерением расширить свой горизонт, увидеть европейское искусство,—эти люди вернутся к нам обогащенные новым опытом. Но есть и застрявшие, оторвавшиеся от Советской России и тем обедившие ее культуру и в то же время—самих себя.

Ибо что в сущности дает им заграница? Деньги. Но гонорары заграничные (особенно парижские) не выше наших. За выступление на концерте квалифицированный пианист получает 100 фр. (1 червонец), за театральную постановку, т.-е. декорации и костюмы, художник получает от двух до четырех тысяч франков (200—400 р.).

Или, может быть, они ищут «свободы творчества»? Увы, художники и артисты, которые, попадая в заграничный рай, думают, что наконец-то освободились от всяких «политпросветительных требований», жестоко ошибаются,—за границей им приходится подчиняться новым требованиям: велениям буржуазии, вкусам заказчика, вкусам толпы. Так, небезызвестный скульптор Судьбин принужден поставлять своих мраморных православных ангелов... богатым янки для украшения американских садов! Заграничная художественная жизнь—сплошная аверская конкуренция, сплошная погоня за американским дядюшкой. Горе тому, кто не обзавелся своим добрым американцем или американкой.

Между тем отрыв от родины, несомненно, обессиливает и обескровливает и самих людей искусства, которым, как легендарному Антею, необходимо соприкосновение с родной почвой. Так, утратив за последнее десятилетие связь с Россией, балет Дягилева все более и более падает, несмотря на то, что Дягилев продолжает называть его «русским», перекрачивает фамилии иностранных танцоров на русский лад или делает ставку на лучших парижских художников (как Брак, Пикассо, Дерен и др.), оказавшихся совсем неспособными к оформлению сцены. Последнее, что было хорошего у Дягилева—Б. Нижинская—ушла и сорганизовала свой собственный балет. О таких же театральных выступлениях, как «Кривое Зеркало», и говорить не приходится—от них веет старорежимной провинцией. Вырождается и живопись Рериха, бесконечно перепевающая самое себя...

Отныне в связи с нашим выступлением на парижской международной выставке должен наступить какой-то перелом. До сих пор французы судили о новом русском искусстве лишь по Сорину, Яковлеву и Шухаеву; теперь они увидели многое другое, не похожее на экзотику,—серьезные искания нашего Вхутемаса, отличные работы наших графиков и архитекторов и, наконец, наши театральные искания, несомненно, самые интересные на выставке по сравнению с театральными экспонатами других стран. И надо отметить, что международное жюри выставки, возглавляемое французами, отнеслось с большим вниманием к нашим экспонатам, оценив их по справедливости. Если, с одной стороны, жюри осталось не вполне удовлетворено качеством нашего материала и его обработкой, то, с другой стороны, оно воздало должное многим нашим достижениям. Хотя награды еще не утверждены окончательно, но—да простит меня за нескромность—я не могу не отметить их. Награждены 1 и 2 категорией наши лучшие графики (как Кравченко, Фаворский, Чехонин, Лебедев и др.), получили первую премию наши скромные кустари, палехские мастера, за свою роспись папье-маше, за свои современные советские мотивы и прекрасную древнюю технику. Награждены «гран-при» и работы Ламановой (для Мосекуста) в области упрощения костюма,—что особенно трогательно, ибо костюмы эти так внешне скромны среди роскоши и элегантности окружающей парижской моды. Награждены архитекторы, при чем, отправляясь от нашего деревянного павильона, французы задним числом чрезвычайно заинтересовались архитектурой нашей московской сельскохозяйственной выставки. И, наконец, 4 первых премии (гран-при), присуждены нашим московским театрам (Художественному, Камерному, Большому и Мейерхольда), что означает собой полную победу нашего оформления сцены. Эта победа сказалась на одном из торжественных заседаний театральной секции, где наш представитель был посажен по правую руку от председателя, где его со всех сторон засыпали вопросами о нашем театре, и где решено было организовать нечто в роде международной ассоциации театрального обновления (по инициативе известного французского деятеля Астрюка). Все это указывает на то, что камень, брошенный советским театром, в более или менее стоячую воду театра европейского, пустил вокруг себя все расширяющиеся круги.

Но все это—лишь самый **первый шаг** в деле художественного сближения советского искусства с французским, за которым должен последовать и дальнейший. Не даром мне пришлось слышать от многих представителей французской художественной интеллигенции, начинающей симпатизировать нам, об их готовности устроить выставку французского искусства в Москве. Эта выставка, как и все дальнейшее взаимоотношение наше с художественной Францией, была бы полезна не только в целях ознакомления ее с нашей культурой, но и для нас самих, для нашей художественной молодежи, ибо при всей нашей идеологической насыщенности нам все же многому полезно было бы поучиться у Запада по части мастерства формы.

Я. ТУГЕНДХОЛЬД.

Театр—музыка—кино.

За „Пугачевщину".

Отрицательное отношение, которое «Пугачевщина» встретила у некоторых театральных критиков, не может удовлетворить нас, зрителей, уже по одной простой причине: нельзя отмахнуться замечанием в несколько строк, что мы остались «без Пугачева и Пугачевщины», раз речь идет о постановке такого театра, как Художественный, и об игре такого артиста, как Москвин. Каждая, даже мелкая, постановка Художественного театра всегда значительна, и каждое выступление таких артистов, как Москвин, художественно важно. Можно спорить, можно не соглашаться, можно критиковать, но отмахиваться, как от quantité negligeable, нельзя.

По существу спор сводится к следующему. Изображать ли Пугачева, как «героя», ведущего за собой «толпу», или, наоборот, об'яснять Пугачева, как производное переживаний народных масс в то время. Автор и театр стали на точку зрения последнего толкования. Они несомненно переборщили (я в этом главный недостаток постановки), но по существу они правы: марксистское об'яснение пугачевщины сводится именно к тому, чтобы анализировать тогдашнее настроение народных масс, ждавших своего избавителя, и ни в коем случае не выставлять «героев», ведущих (по Михайловскому) за собой толпу; толпа родит героев, а не наоборот.

В пьесе это марксистское толкование находит яркое выражение в том месте, где выходит на сцену второй самозванец—Василий Кузнец: многие из толпы узнают в нем своего деревенского кузнеца, но положение народа было настолько тяжело, тоска по избавителе и руководителе настолько остра, что тут же дается и оправдание этому самозванству: а может быть, царь-избавитель скрывался в образе кузнеца Василия?

Так толпа рождает героев.

Но эта точка зрения накладывала на автора большое обязательство: показать эту толпу и ее переживания. Это у автора не удалось. Справедливо указывалось критиками, что пьеса сведена к личной драме Пугачева, что народ в общем отсутствует или безмолвствует; народ слабо представлен в пьесе. Правда, имеются очень тонкие и меткие указания на движущие силы пугачевщины: сцена бунта против помещиков, участие мистически-религиозных (старообрядчество) и даже церковных (скит) настроений; роль казачества и крестьянства, значение мастеровщины и т. д., и т. д. Но все эти детали народных переживаний тонут в изображении личной драмы Пугачева.

Едва ли исторически точно передана личность Пугачева. Если бы она слагалась только из распутства, пьянства, трусости, едва ли бы он выполнил роль выразителя настроения масс. По всем донесениям до нас священник, по крайней мере, две черты позволили Пугачеву сыграть свою историческую роль: ум («сметка») и властность. Ни того, ни другого в пьесе не было и следа; им противопоставлены: глупость и бахвальство.

Но если пьеса вызывает много возражений, и в большинстве справедливых, то совсем другое нужно сказать об исполнении. И театральные исполнители не могут «дать больше» того, что «дал» им автор пьесы.

Но самая постановка изумительна и **общим** всеми теми эффектами, которыми сочно поражает нас Художественный театр,—простыми и потому художественными и потому именно разительными.

Дело не в том, что толпа «численно мала»; можно, конечно, прибавить десяток—другой статистов. А дело в том, что такой толпы, как в Художественном театре, не найдешь ни в одном театре в мире: толпа живет, играет, об'ясняет, что ни лицо—то новый тип.

А эта деталь с матерью, провожающей труп своего сына, плывущий по Волге на виселице плота? Всего несколько слов говорится ею, а у зрителя получается одно из сильнейших переживаний во время всего спектакля. А приготовления к лютой смерти по выбору «мира» односельчан и эта бесхитростная прощальная просьба: «Дайте в последний раз на солнышко посмотреть».

Художественный театр опять блеснул своим доподлинным художеством.

В заключение: не забудем, что это—первый шаг, поворот Художественного театра в сторону постановок, психологически ближих современному зрителю. Пусть этот первый шаг нас не вполне удовлетворяет. Но он сделан сильно, красочно, художественно. Не было ни одного зрителя, который ушел бы из театра, не будучи потрясен до самой глубины своей души. Это значит, что первый шаг в новом направлении сделан так, что способность театра захватывать зрителя не уменьшилась, а увеличилась.

Этот первый шаг надо не ругать, а горячо приветствовать: дальнейшие шаги будут и на пользу самого театра, и на пользу нового зрителя.

Н. СЕМАШКО.

Тов. Семашко делает попытку сказать нечто иное, чем то, что почти единодушно было сказано во всей московской печати. Но его благородная попытка вряд ли принесет пользу Художественному театру: заметка целиком, хотя она и озаглавлена «За Пугачевщину», говорит **против** постановки «Пугачевщины».

При всем своем желании высказаться «за» тов. Семашко вынужден сознаться: 1) что главный недостаток постановки в том, что художественники «переборщили», 2) что автору не удалось «показать толпу и ее переживания», 3) что совершенно справедливо указывалось критиками, что пьеса сведена к личной драме, 4) что «народ в общем отсутствует или безмолвствует, народа нет», 5) что «едва ли исторически точно передана личность Пугачева», 6) что «в пьесе не было и следа ни ума, ни властности, которыми, несомненно, обладал Пугачев», и 7) что «пьеса вызывает много возражений, и в большинстве справедливых».

Но здесь все «против» у т. Семашко, и ни одного «за»! А там, где т. Семашко говорит «за», он говорит не за пугачевщину, а за МХАТ. Но тогда так и надо бы писать: «За МХАТ»,—при чем же тут «Пугачевщина»?

Б. В.

КОНЦЕРТ К. ИГУМНОВА.

Программа первого концерта К. Игумнова посвящена капитальным последним сонатам Бетховена (соч. 110, 111), Крейслериане и Фантазии Шумана. Последняя наиболее всего удалась исполнителю: в ней он вышел из рамок своего несколько официального академического тона, соприкоснувшись со стихией «бури и натиска» вечно огненного музыканта-поэта. Бетховен в исполнении Игумнова показан слишком в стиле узорного и спокойного барокко клавесинистов 18 века; артист не почувствовал в сонатах той музыки, от которой Бетховен требовал, чтобы она «высекала огонь из груди человека». Сонаты, особенно в лирических местах, прозвучали, как декламация на беззвучном шопоте, вообще просто скучно.

С. БУГОСЛАВСКИЙ.

К ОТКРЫТИЮ СЕЗОНА В СТУДИИ ИМ. ЕВГ. ВАХТАНГОВА.

Студия открывает сезон 10 октября «Принцессой Турандот» 11-го идет «Лев Гурыч Синичкин», 13-го—премьера пьесы П. Сейфуллиной и В. Правдухина «Виринея» в постановке Алексея Попова. Художник спектакля—С. Исаков, по макету которого сделана новая монтировка «Виринеи» взамен прежней временной монтировки, в которой весной «Виринея» была показана на генеральных репетициях. В первой половине сезона студия покажет две новые постановки: «Марион де-Лорм» В. Гюго (режиссер Р. Симонов) и «Борис Годунов» Пушкина (режиссер Б. В. Захава под руководством Вс. Мейерхольда). Кроме этих двух постановок, предполагается поставить пьесу современного автора. Пьеса еще не выбрана, но авторами ведутся переговоры. Е. И. Замятин недавно читал труппе студии свою новую пьесу «Легенда об Аттиле».

После капитальной перестройки в течение лета зрительного зала и пристройки бель-этажа вместимость театра теперь будет равна 500 мест вместо прежних 270. Пристроены новые фойэ для бельэтажа. Капитально переустроена и переоборудована большая сцена студии.

Студия получила из Парижа от заместителя генерального комиссара отдела СССР международной выставки предложение предоставить экспонаты студии для организуемой в Америке в январе 1926 года международной выставки театральных достижений.

Концерт пианиста И. Элинсона. 18 октября в Колонном зале состоится концерт молодого пианиста И. Элинсона, несколько раз выступавшего уже перед московской публикой с выдающимся успехом. На этот раз концерт организуется МГСПС и будет рассчитан, главным образом, на рабочую аудиторию. Концерт целиком посвящается Бетховену (будет исполнено 5 его сонат). **Вступительное слово скажет народный комиссар по просвещению А. Луначарский на тему «Бетховен и его значение для нашего времени».**

— В Ассоциации революционной кинематографии возобновляются «четверги», на которых в прошлом году происходили доклады, просмотры новых лент, дискуссии. «Четверги» будут происходить в Центральном доме работников искусств (ул. Герцена, 19). Первый «четверг»—15 октября, на котором т. Трайнин сделает доклад на тему: «Состояние и рост советской кинематографии». После доклада дискуссия.

Действия и распоряжения правительства СССР.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

о порядке осмотра и задержания грузов, багажа и ручной клади, перевозимых по железнодорожным и водным путям сообщения.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Осмотр грузов, багажа и ручной клади, перевозимых по железнодорожным, морским и внутренним водным путям сообщения, в целях обнаружения запрещенного действующими законами провоза товара производится органами Об'единенного Государственного Политического Управления по своей инициативе или по требованию заинтересованных органов с привлечением в последнем случае представителей упомянутых органов.

2. Указанный в ст. 1 осмотр допускается лишь в пунктах отправления или назначения до момента погрузки или выгрузки и не должен вызывать задержек в движении.

3. Осмотр ручной клади производится при посадке или высадке пассажиров в отдельных помещениях в присутствии самих пассажиров.

Осмотр ручной клади в пути допускается лишь в тех случаях, когда есть достаточное основание предполагать, что соблюдение порядка, указанного в части 1-й настоящей статьи, повлечет сокрытие незаконно провозимых товаров.

4. Органы, производящие осмотр, должны точно указать тот груз, багаж или ручную кладь, которые подлежат осмотру; никакие поголовные обыски пассажиров и осмотры грузов, багажа и ручной клади не допускаются.

5. В всяком случае задержания груза, багажа и ручной клади составляется в установленном порядке акт за подписями лиц, производящих осмотр, и присутствующих при осмотре, а при задержании ручной клади—и за подписями самих пассажиров.

Копии акта выдаются транспортному предприятию, производящему перевозку, а также пассажиру или грузохозяину.

6. Задержанные груз, багаж и ручная кладь могут передаваться на хранение подлежащим органам транспорта, если для них не установлен особый порядок хранения; дальнейшее направление или реализация грузов производится в порядке, установленном законом, а при отсутствии указаний в законе—по распоряжению органа, передавшего груз на хранение.

7. Из суммы, вырученной от реализации задержанных багажа, груза и ручной клади, покрываются причитающиеся по перевозке платежи преимущественно перед другими взысканиями, обращенными на задержанные груз, багаж и ручную кладь.

8. Настоящее постановление не распространяется на таможенный досмотр, производимый по правилам таможенного устава Союза ССР («Собр. Зак. СССР» 1925 г., № 5, ст. 53).

9. Наркомату Комиссариату путей сообщения поручается по соглашению с Народным Комиссариатом внутренней торговли СССР, Народным Комиссариатом финансов СССР и Об'единенным Государственным Политическим Управлением издать в месячный срок инструкцию по применению настоящего постановления.

Пред. Совета Народных Комиссаров Союза ССР **Л. КАМЕНЕВ.**

Зам. управделами Совета Народных Комиссаров Союза ССР **И. МИРОШНИКОВ.**

Москва, Кремль, 26 сентября 1925 г.

Действия и распоряжения правительства РСФСР.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ РСФСР

об установлении на 1925—26 бюджетный год минимальных ставок заработной платы для некоторых групп работников, состоящих на местном бюджете.

На основании п. «б» ст. 3 положения о государственных субвенционных фондах для финансирования местных бюджетов от 29 декабря 1924 года («С. У.» 1925 г., № 3, ст. 24) Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров РСФСР постановляют:

I. Установить на 1925—26 бюджетный год для нижеуказанных категорий работников, содержимых на местные средства, следующие минимальные поместные ставки заработной платы в зависимости от тарифного пояса, к которому относится данная местность.

№ №	Группы работников	Ставки зарплаты по поясам в рублях: I	II	III	IV	V
1.	Учит. пк. 1 ст. в городах и вне городов	38	35	32	30	27
2.	Учит. пк. 2 ст., школ крестьянской молодежи и профтехнических школ в сельских местностях	54	50	45	42	37
3.	Работники сельск. участков. сети:					
	а) врачи, агрономы и ветврачи	76	70	65	60	54
	б) медицинск. и ветеринарн. фельдшера, акушерки и фармацевты	38	35	32	30	27
	в) зубные врачи и провизоры	48	44	40	37	33
	г) медицинские сестры	30	27	25	23	20
	д) нарсудьи и нарследователи	66	60	55	51	46
4.	Работники низового советского аппарата.					
	а) председатели вол. (рай) исполкома	60	55	50	47	42
	б) член президиума волисполкома (РИК'а), ведающий земельными делами	42	38	35	32	29
	в) секретарь волисполкома (РИК)	42	38	35	32	29
	г) волостной финработник	38	35	32	30	27
	д) начальник милиции в укрупненных волостях	48	44	40	37	33
	е) старший милиционер в неукрупненных волостях	36	33	30	28	25
	ж) волполитпросветорганизатор	38	35	32	30	27

Примечание 1. Учителя первых четырех групп школ семилеток и девятилеток оплачиваются, как учителя первой ступени, остальных же групп—по ставкам учителей 2-й ступени.

Примечание 2. Преподаватели пунктов по ликвидации неграмотности в сельских местностях получают содержание из расчета поставки учителя 1-й ступени за 12 недельных часов.

Примечание 3. Медицинские и ветеринарные фельдшера со школьным образованием, заведующие самостоятельными пунктами, получают содержание по п. 3, лит. «в».

Примечание 4. В тех местностях, где заработная плата указанных в ст. I работников превышает установленные в ст. I минимальные ставки, снижение существующей заработной платы ни в коем случае не допускается.

II. Настоящее постановление вступает в силу с 1 октября 1925 года.

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета **М. КАЛИНИН.**

Зам. председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР **А. ЛЕЖАВА.**

И. о. секретаря Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета **ЯН ПОЛУЯН.**

Москва, Кремль, 28 сентября 1925 г.

В Совнаркоме СССР.

Отмена разового сбора за торговлю на базарах. Союзный Совнарком признал возможным отменить существующий разовый сбор за торговлю на базарах, площадях и др. отведенных для торговли местах и представил это решение на утверждение Президиума ЦИК Союза ССР.

Порядок приобретения кредитными учреждениями акций иностранных банков. Союзный Совнарком установил, что приобретение кредитными учреждениями, действующими на территории Союза, акций иностранных банков может последовать не иначе, как с разрешения Наркомфина Союза ССР. Приобретение контрольного пакета акций может последовать не иначе, как с разрешения Совета Труда и Обороны.

О единстве кассы Союза ССР. Союзный Совнарком одобрил и внес на утверждение Президиума ЦИК Союза законопроект о единстве кассы Союза ССР. Согласно закона все общегосударственные (общесоюзные и республиканские) доходы должны быть сосредоточены в приходно-расходных кассах Наркомфина Союза и наркомфинов союзных республик, а также в учреждениях Госбанка СССР.

В Совнаркоме РСФСР.

Льготы уличным чистильщикам обуви. Совнарком обратился в Союзный Совнарком с просьбой о приравнении уличных чистильщиков обуви, хотя бы они торговали также и мелкими принадлежностями для обуви, в отношении выборки патентов на личное промысловое занятие к кустарям-ремесленникам.

Налоговые льготы для уличных чистильщиков обуви не применяются по проекту СНК лишь к лицам, торгующим из специальных палаток.

Флаг спортивных организаций. Малый Совнарком одобрил и представил на утверждение Совнаркома РСФСР флаг для водно-спортивных организаций высшего совета физической культуры.

Флаг прямоугольного вида имеет белый цвет, на фоне которого прямые крестообразные полосы красного цвета. В левом верхнем углу флага—золотые начальные буквы Республики.

Критика и библиография.

АРК. А.—н. Шарль Фурье. Его личность, учение и социальная система. 2-е перераб. и доп. изд. «Пролетарий». 1925 г. 416 стр. Ц. 2 руб. 20 коп.

Фурье, по мнению Энгельса «беспощадно раскрывает всю моральную и материальную нищету буржуазного мира... сильными и меткими штрихами рисует Фурье спекульторские плутни и мелкотороглаевский дух, овладевший французской торговлей послереволюционного периода. Еще удачнее его сатирическое изображение отношений в буржуазном обществе и положения в нем женщины... Но выше всего поднимается Фурье в своем взгляде на историю человеческих обществ и т. д....».

Все это делает изучение Фурье важным и интересным. И это не только с точки зрения понимания истории марксизма, но, можно смело сказать, и с точки зрения ряда практических вопросов строительства социалистического общества. Особенно ценны в этом отношении взгляды Фурье на вопросы семьи, брака, воспитания, организации труда. Тут среди уймы странностей и чудовищной фантастики очень много реалистически верного и практически применимого.

Чтение Фурье в виду специфических особенностей его писательской манеры и обилия «чудесного» элемента весьма трудно. На русском языке мы имеем лишь отрывки из его произведений.

Арк. А—н счастливо преодолел все трудности, основательно проработал основные труды Фурье, и в итоге русский читатель получил весьма интересную книгу, дающую научное представление о личности, учении и социальной системе Фурье.

Особенно ценно то, что автор, где только можно, приводит целые отрывки из сочинений Фурье, так что под руководством автора читатель, не имеющий возможности познакомиться с Фурье в оригинале, знакомится с ним весьма полно по книге Арк. А—на.

В ней мы находим прежде всего достаточно полные сведения о жизни и характере Фурье, об исторической эпохе, в которую он жил, развивался и работал. В изложении взглядов Фурье Арк. А—н останавливается на следующих моментах учения: 1) критика современности, 2) основа учения и мирообсерцания Фурье, 3) система гармонии и кооперации (переходный период и будущее общество).

Все это охватывает учение Фурье вполне.

При всех своих достоинствах—полности изложения, популярности и пр.—книга Арк. А—на не лишена и недостатков.

Так, например, совершенно излишен и, кроме того, неудачен § 4 первой главы—«Действительное значение Великой Французской Революции». Задача ее странная—защитить Великую Французскую Революцию от нападок Фурье. Но гораздо важнее об'яснить эти нападки.

Неудачно и само выяснение значения Великой Французской Революции. Центр тяжести перенесен на идеологическую сторону, не подчеркнут классически буржуазный характер этой революции, основной смысл ее—раскрытие путей для развития производительных сил капиталистического хозяйства.

Вряд ли можно считать верным, что большая заслуга Фурье, как предшественника научного социализма, состоит в раскрытии «вредных для пролетариата последствий послереволюционных порядков» (38). Утопический, домарксовский социализм тем и характеризуется, что противоречия нового (капиталистического) строя воспринимались не под углом зрения пролетариата, а под углом зрения бедствий мелких собственников вследствие роста крупного капитала, главным образом торгового. Удары критики Фурье направлены главным образом против торгового капитала.

Вообще Арк. А—н склонен преувеличивать, точнее—модернизировать отношения Фурье к рабочему вопросу. У Фурье в основном непролетарий противостоит капиталисту, а беднякам—богачу.

В общем и целом, однако, оценка Фурье правильна.

Очень ценны главы о судьбах школы Фурье во Франции, Америке и в России.

Книгу Арк. А—на можно рекомендовать всем интересующимся историей социализма.

И. ФЕНДЕЛЬ.

М. БАЛАБАНОВ. «История рабочей кооперации в России» (очерки по истории рабочего кооперативного движения 1864—1917 г.г.). Изд. 3-е. Издательство «Экономическая Жизнь». Москва. 1925 г. Стр. 265. Цена 2 р. 25 к.

Литература по истории кооперативного движения в России очень бедна. Особенно остро это ощущается в отношении рабочей кооперации, на создание которой рабочий класс России потратил немало усилий и понес немало жертв.

Рабочие должны знать прошлое своего движения, в том числе и кооперативного, а между тем имеющиеся специальные работы по этому вопросу: С. Ежова—«Пути рабочей кооперации», А. Татарчукова—«Рабочие и кооперация» и др., мало кого удовлетворяют.

Резко отличается от перечисленных работ обилием цифрового и фактического материала, стройностью и популярностью изложения и марксистским анализом рецензируемая книга М. Балабанова. Свою работу М. Балабанов разбил на 12 глав. Особенно ценными являются главы, освещающие социально-экономические предпосылки и общий ход развития рабочей кооперации в России на заре кооперативного движения. Менее удачно даны выводы и положения в главах: «Переходное время», «Рабочая кооперация в год революции 1917 г.» и др.

Существенным пробелом в труде М. Балабанова является отсутствие анализа вопроса о служащих в кооперации. Об'ективность изложения истории рабочей кооперации в России требует отметить, что в кооперативах, субсидируемых и устраиваемых фабрикантами, в противовес рабочей кооперации, эксплоатация рабочих и служащих, начиная с конца девятисотых годов прошлого столетия, приняла широкие размеры. Конкурируя с частными предприятиями в смысле эксплоатации труда, кооперативы того времени удлинили рабочий день служащих до 12—15 час. в сутки в будни и до 6—10 час. в воскресенья и праздничные дни. Увеличив служащим и рабочим рабочий день, «правленцы» различных кооперативов паралельно уменьшили заработную плату служащим и рабочим. Необходимо было также подчеркнуть, что буржуазные вдохновители кооперации того времени во главе и по почину В. Ф. Тотоминца с ненавистью и ярростью доказывали, что идея кооперации превыше всяких интересов служащих и рабочих, а **потому за стачку** в кооперативе служащие должны быть занесены на черную доску, что по тому времени означало навсегда быть изгнанным из кооперации не только в качестве служащих, но и в качестве членов потребительских обществ.

Все эти дефекты, которые легко могут быть исправлены в последующих изданиях, все же не уменьшают ценности чрезвычайно интересной и полезной работы М. Балабанова, которая послужит хорошим пособием для учащихся многочисленных кооперативных курсов.

А. ГУДАН.

НЕДРА». Литературно-художественные сборники. Книга 7-я. Стр. 293. Изд-во «Недра». Тираж 5.000 экз. Ц. 2 руб.

Центральная вещь сборника — «Страна Родная» (из романа) Артема Весского.

Артем Веселый — писатель сравнительно молодой. Однако, быстро он успел занять в ряду крупных современных писателей свое особое место. От неровных еще «Рек огненных», через удалую, стихийную «Вольницу Буй», он приходит к большому полотну, к роману «Страна Родная». Глубоко правдиво, искренно, ярко рассказывает и показывает автор, как в «зиму с 1918 на 19» по России зашагала лютой аграрной, по пятрокой походной революция.

Перед читателем проходят недавние живые картины голода, холода, сыпняка, революционной жизни уездов и когда «безпашпалки с развинтым ртом стонла деревня на распутьях защетающих дорог, бонзливо крестилась, вестей ждала, смелела, орала, сучила комлистым кулаком.

— Земля... Свобода!..».

Люди у Артема живые, настоящие, двигающиеся, разговаривающие, со всеми человеческими чертами — достоинствами и недостатками. Одинаково живо рисует Артем и предувома Павла Гребенщикова и расхлябанного интеллигента Ефима Гречишина — поэта, вечно декламирующего «в величественно-неленом тоне» высокие фразы. Лишь однажды скрипит автор, показывая инструктора волисполкома Фильку; хотел показать его неудержимое рвение к работ